Библиотека ИМЭЛ

ОСВОБОЖДЕНІЕ РАБОЧИХ ДОЛЖНО БЫТЬ ДѢЛОМ САМИХ РАБОЧИХ. В ЕДИНЕНІИ — СИЛА!

Голос Труда

Golos Truda

RUSSIAN WEEKLY

Условія Подписки:

В Соединенных Штатах		В Канаду и за-границу	
На 1 год	1 доллар	На 1 год	1 д. 50 с.
На 6 мѣсяцев	60 сент.	На 6 мѣсяцев	85 сент.
На 3 мѣсяца	35 сент.	На 3 мѣсяца	50 сент.
Цѣна отдѣльнаго номера 2 сента.		Цѣна отдѣльнаго номера 3 сента.	

За перемѣну адреса слѣдует доплатить 10 сентов.

Деньги на подписку слѣдует присылать в заказном письмѣ, почтовым переводом или марками, а не через посредство разных компаній (Канадійскія марки не принимаются).

Рукописи должны быть написаны четко, чернилами, на одной сторонѣ листа и имѣть подпись автора, с указаніем его адреса. Рукописи, признанныя неподходящими, уничтожаются, если на возврат их не были присланы почтовыя марки.

ОРГАН ФЕДЕРАЦІИ СОЮЗОВ РУССКИХ РАБОЧИХ СОЕД. ШТАТОВ И КАНАДЫ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА — Выходит по Пятницам

АДРЕС РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:

"Golos Truda", 586 East 140th St., New York, N. Y.

NO. 50 — ЦѢНА 2 СЕНТА. — New York, Friday, August 27, 1915. — VOL. V

НОВАЯ ПОБѢДА ИМПЕРІАЛИСТИЧЕСКАГО СОЦІАЛИЗМА

С большим интересом ждали в революціонно-интернаціоналистских кругах всѣх стран открытія новой сессіи германскаго рейхстага.

«Какова будет на этот раз позиція нѣмецкой соціальдемократіи по отношенію к войнѣ?» «Сколько найдется в партіи депутатов, которые откажутся вотировать новые милліарды на продолженіе завоевательной войны?» — Вот тѣ вопросы, которые задавали себѣ многіе из интернаціоналистов, надѣявшіеся, что в политикѣ соціальдемократической фракціи рейхстага или, по крайней мѣрѣ, ея значительной части за послѣднее время произошел перелом в сторону нарушенія «внутренняго мира».

Несомнѣнно были нѣкоторые признаки, которые как будто оправдывали подобныя оптимистическія ожиданія. Образованіе в партіи многочисленнаго «лѣваго центра», сгруппировавшагося вокруг Каутскаго, Бернштейна и Гаазе, усиленіе вліянія в странѣ революціоннаго крыла должны были, казалось, найти свое отраженіе и в позиціи соціальдемократической фракціи.

Но еще больше было основаній ожидать уклона с-д-ской фракціи влѣво вслѣдствіе того отношенія к задачам войны, которое вполнѣ откровенно было высказано в послѣднее время не только правительством, но и всѣми буржуазными партіями, начиная с консервативных и кончая «прогрессивной народной партіей».

Теперь уже ни Бетман-Гольвег, ни кто-либо другой из буржуазных политиков, не считает нужным прибѣгать к лицемѣрным заявленіям, что война-мол ведется только в цѣлях «защиты отечества». Вся нѣмецкая буржуазія, начиная с юнкеров и кончая радикалами, превозглашает открыто, что «жертвы должны окупиться» и что аннексія, по крайней мѣрѣ, части завоеванных территорій, неизбѣжна. Разногласіе существует, очевидно, только в размѣрах хищнических аппетитов. В то время, как либеральные элементы удовлетворились бы, пожалуй, аннексіей насчет Россіи (Польши, Курляндіи и т. д.), реакціонные круги категорически настаивают еще и на аннексіи Бельгіи и даже части Франціи.

Казалось бы, что нынѣшній момент наиболѣе благопріятствует рѣшительному выступленію соціальдемократіи. Казалось бы, что именно теперь, когда разсѣялся мираж оборонительной войны, соціальдемократическая фракція должна была обратиться «с высоты парламентской трибуны» к народу и призвать его к прекращенію кровавой войны, носящей всѣ признаки борьбы за міровое господство. Но этого, конечно, не случилось.

Партія, вотировавшая кредиты 4-го августа, под предлогом необходимости обороняться от нашествія «диких русских полчищ», неизбѣжно должна была вотировать кредиты и год спустя, несмотря на заявленія канцлера о рѣшительных побѣдах и предстоящих аннексіях. «Оправданіе» всегда можно подыскать. «Ничего не подѣлаешь, — говорил от имени с-д. партіи Давид, — раз противники Германіи не хотят мира, то приходится продолжать войну».

Характерен уже один тот факт, что своим оратором фракція выставила Эдуарда Давида, одного из вождей крайняго оппортунистическаго теченія в партіи, того самаго Давида, который уже нѣсколько лѣт тому назад в своей книгѣ «Міровая война и нѣмецкая соціальдемократія» дал теоретическое обоснованіе нынѣшняго поведенія нѣмецких с.-д. То теченіе, к которому принадлежит Давит, не пытается даже обосновать свое отношеніе к войнѣ и имперіалистской политикѣ с точки зрѣнія старых с-д-ских принципов. Один из наиболѣе послѣдовательных и откровенных апостолов имперіалистическаго соціализма, Вильгельм Кольб, в своей новой брошюрѣ категорически заявляет о необходимости и **на будущее время** выработать **новую** тактику и новое отношеніе к вопросу о милитаризмѣ.

Но если поведеніе большинства с-д. фракціи логически вытекает из той позиціи, которую оно заняло в началѣ войны, то этого нельзя сказать о революціонном меньшинствѣ, группирующемся вокруг Либкнехта. В настоящее время во фракціи имѣется больше 20-ти депутатов, раздѣляющих непримиримую либкнехтовскую точку зрѣнія, а между тѣм и при нынѣшнем голосованіи, как и при предыдущем, один только Либкнехт голосовал против военных кредитов. Всѣ остальные «протестанты» ограничились тѣм, что не присутствовали во время голосованія.

Характерно это робкое до крайности поведеніе в рейхстагѣ лидеров революціоннаго меньшинства в то время, как в странѣ их сторонники ведут смѣлую революціонную работу, не останавливаясь пред правительственными карами. Многіе из революціонных интернаціоналистов, с.-д., (в том числѣ и Клара Цеткин) сидят уже в тюрьмѣ, и в то же время их лидеры не рѣшаются выступить в рейхстагѣ с открытым протестом...

Но такова уж логика парламентаризма...

УНИЧТОЖЕНІЕ ЧЕРТЫ ОСѢДЛОСТИ.

22-го августа в здѣшних газетах появилось слѣдующее кабельное сообщеніе:

«Так ка военныя дѣйствія охватили в настоящій момент не только всю русскую Польшу, но и многія другія губерніи черты осѣдлости, то огромное количество евреев вынуждены были оставить свои родныя мѣста. 500.000 евреев были изгнаны военной властью и еще больше количество добровольно покинули свои очаги. Огромныя массы евреев находятся внѣ «черты», гдѣ они не имѣют права жить.

«По докладу министра внутренних дѣл князя Щербатова, кабинет министров рѣшил разрѣшить евреям на время войны селиться во всѣх городах Россіи за исключеніем Петрограда и Москвы, а также тѣх мѣстностей, в которых живет царь».

Это сообщеніе очень знаменательно не только с спеціально еврейской точки зрѣнія. Еврейскій вопрос давно уже стал пробным камнем для политики нашего правительства. Всякое усиленіе реакціи прежде всего отражалось на положеніи евреев. В еврейском вопросѣ царь и бюрократія проявляли постоянно наибольшее упорство, и равноправіе евреев представляется им едва ли не самой страшной из политических реформ. И это вполнѣ естественно, так как вся сила самодержавія покоится на натравливаніи одной націи на другую.

И если теперь правительство, под давленіем общественнаго мнѣнія и многочисленных протестов, рѣшилось сдѣлать такую уступку и хотя бы временно уничтожить черту, то это явленіе, пожалуй, ярче всего обнаруживает нынѣшнюю растерянность «высших сфер».

ИСПАНСКІЕ СОЦІАЛИСТЫ И ВОЙНА.

Испанскій соціалист Хуан Керазон помѣстил в парижском с.-д. «Нашем Словѣ» статью о теченіях в испанской соціальдемократической партіи. Нѣкоторыя сообщаемыя им свѣдѣнія представляют значительный интерес.

Послѣ взрыва войны центральный орган партіи «Эль Соціалиста» занял рѣшительно враждебную позицію против войны. Но под вліяніем «Юманитэ», единственнаго заграничнаго партійнаго органа, читавшагося послѣ взрыва войны в Испаніи, офиціальные вожди партіи и центральный орган измѣнили свое отношеніе к войнѣ. Главный редактор центральнаго органа, Маріано Гарсіа Кортес, оставил свой пост, и газета с тѣх пор все болѣе и болѣе стала уклоняться от точки зрѣнія строгаго нейтралитета. В то же время старый вожак испанской партіи, Пабло Иглезіас, начал открыто высказывать свои франкофильскія и интервенціонистскія симпатіи. «Если бы Испанія, — заявил он в парламентѣ — находилась в лучшем экономическом положеніи, я бы рекомендовал вмѣшательство ея в войну на сторонѣ «союзников».

Против этой позиціи, противорѣчащей основным положеніям и задачам соціализма, в партіи возникла немедленно сильная оппозиція. Двѣ партійных газеты — «Ля Жустисіа Сосіал» в Рейсѣ и «Аделанте» (Вперед) в Валладондѣ — протестовали против рѣчи Иглезіаса. Первая из названных газет напечатала цѣлую серію передовиц о соціалистическом нейтралитетѣ, вызвавших возмущеніе среди сторонников Иглезіаса, но встрѣченных в то же время с энтузіазмом всѣми противниками войны. «Ля Ювентуд Сосіалиста», энергичная организація молодежи в Мадридѣ, насчитывающая большое количество членов выразила свое сочувствіе взглядам газеты. На ея сторону стало также значительное число других партійных организацій. Организованныя женщины также стали на сторону враждебнаго вмѣшательству в войну меньшинства. Соціалисты и организованные горнорабочіе в Ріо-Тинто (свыше 10 тысяч человѣк) стали на ту же точку зрѣнія. В том же духѣ высказался и національный конгресс горнорабочих в Мадридѣ.

Партійное управленіе и находящійся под его вліяніем центральный орган чѣм дальше, тѣм больше теряют приверженцев. Вліяніе же меньшинства и его главнаго печатнаго органа «Ля Жустисіа Сосіал» замѣтно увеличивается во всей странѣ.

НА ТЕКУЩІЯ ТЕМЫ

В Америкѣ свободной, в республикѣ демократической...

Наконец то его доканали! Справедливость восторжествовала: Лео М. Френк уонт; отомщена невинная жертва, юная Мери Фэгэн...

17-го августа закончился послѣдній акт мрачной драмы, приковывавшей к себѣ вниманіе всей Америки, втеченіе двух с лишним лѣт. Аристократическая знать штата Джорджіа, линчевавшая 17го августа Лео Френка, не в состояніи была успокоиться, покуда жертва не очутилась в ея руках. И они с ним расправились... Свели счеты!

Вкратцѣ дѣло сводится к слѣдующему: Два с половиной года тому назад, во дворѣ карандашной фабрики, в г. Атлантѣ, штата Джорджіа, обнаружили тѣло убитой работницы, молодой Мери Фэгэн. Послѣ «усиленных» розысков, полиція заключила, что убійцей является управляющій фабрикой, еврей Лео М. Френк. Вмѣстѣ с ним был арестован негр Конли, работавшій на той же фабрикѣ. Для толпы Атланты виновность Френка не подлежала сомнѣнію. Власти заподозрили в соучастіи и негра.

Наступил день суда. Под давленіем раз'яренной толпы, требовавшей смертнаго приговора Френку, присяжные засѣдатели вынесли обвинительный приговор. Судья приговорил Френка к смертной казни через повѣшеніе. Негр Конли получил один год тюремнаго заключенія.

Во всей странѣ поднялась буря протеста.

Протестанты требовали пересмотра дѣла, так как, по их заявленіям, подсудимый не имѣл безпристрастнаго суда и так как присяжные и судья вынесли смертный приговор под угрозами толпы. Ничего не помогло. Всѣ аппеляціи оказались отвергнутыми. Френк упорно заявлял, что он невинен. Осталось послѣднее: аппелировать к губернатору штата Джорджіа о замѣнѣ смертной казни пожизненным заключенјем. Петиціи редакторов американских газет, представителей церкви и т. д. помогли — губернатор Слэйтон замѣнил Френку смертную казнь пожизненным тюремным заключеніем. Друзья Френка думали, что когда страсти толпы улягутся, — он сможет добиться новаго суда, на котором он докажет свою невинность.

Поднялась буря протестов с противоположной стороны, теперь уже — в штатѣ Джорджіа. Толпа возмущалась замѣны смертной казни Френку пожизненным заключеніем.

В результатѣ губернатор Слэйтон должен был прибѣгнуть к охранѣ своей жизни милиціей. Через нѣсколько дней истек срок губернаторства Слэйтона, и он выѣхал из штата Джорджіа.

Прошла пара мѣсяцев, — и вдруг новая сенсація: один арестант перерѣзал Френку горло. Только благодаря счастливой случайности раненый Френк остался жив. Толпа торжествовала — даже в тюрьмѣ нашелся защитник «правосудія»! Рана начала заживать. Другія сенсаціонныя событія отвлекли было вниманіе публики от Френка, но вот 17-го августа аристократическій «моб» штата Джорджіа своей гнуснѣйшей расправой приковал вновь всеобщее вниманіе к этому позорному для Америки процессу.

Под покровом ночи жители Джорджіа, принадлежащіе к высшему классу общества, хорошо вооруженные, напали на тюрьму, арестовали трех спавших надзирателей, разбудили Френка и, не дав ему одѣться, отвезли его в автомобилѣ за 100 миль от тюрьмы, и там, на первом попавшемся деревѣ, его вздернули... Потом надругались над трупом, топтали его ногами и, вырѣзав по лоскутку рубахи «на память», скрылись.

Правосудіе восторжествовало... Знатные злодѣи штата Джорджіа защитили его.

Губернатор Слэйтон называет злодѣйство своих сограждан «актом анархіи». Актом невѣжества, актом результата вашего лицемѣрно-государственническаго общества нужно назвать этот разбой! Вѣдь Френка линчевала знать, среди которой находятся лица, состоящія на государственной службѣ, именитые граждане! Вы вѣрите в закон; замѣна же смертной казни пожизненным заключеніем—законное явленіе. Но эта аристократія терпит законы только до тѣх пор, пока они направлены против бѣдноты, против каких то «грязных» рабочих. Они сами создали эти законы — и сами смѣются над ними. Когда им этого хочется, они попирают ногами закон и ставят себя выше его, как это было в звѣрской расправѣ над Френком.

Слэйтон молчит о линчеваніи негров в его штатѣ. За малѣйшее преступленіе, даже в случаѣ простого подозрѣнія — тащи вѣшать негра! Свобода, демократія Соед. Штатов давно уж хромает. Убійство Лео М. Френка окончательно разсѣивает обманчивый мираж американской культуры и цивилизаціи.

Гр. Райва.

МАЛЕНЬКІЙ ФЕЛЬЕТОН

VIVE LE TSAR!

(«Да здравствует царь!» — восклицаніе извѣстнаго «соціалиста» Густава Эрвэ в одной из его статей, в началѣ войны, по поводу обѣщаній автономіи Польши и других «великих милостей»).

Прочитал в один и тот же день:

1) В издающемся в Харьковѣ еженедѣльном журналѣ «Горно-Заводское Дѣло» (№26, от 30-го іюня, стр. 11324):

«18 іюня. — Положеніе промышленности в областях Ц. Польскаго. Из Лодзи сообщают, что всѣ пущенныя нѣсколько времени тому назад прядильныя, ткацкія, аппретурныя, красильныя и другія промышленныя заведенія на этих днях вновь пріостановлены. По полученному из Берлина приказу, владѣльцы всѣх этих промышленных заведеній обязуются в кратчайшій срок, под угрозой высоких штрафов, составить полные и подробные инвентари, с перечисленіем всѣх, имѣющихся на лицо машин и орудій производства, мѣдных частей, сырья, полуфабрикатов, готовых издѣлій и проч., и списки эти немедленно доставлять мѣстной полицейской власти. Полагают, что по составленіи инвентаря и возможной провѣрки онаго со стороны нѣмцев, фабрики вновь будут пущены в ход.

В Петроковской губерніи, в части, находящейся в администраціи австрійцев, обработана вся посѣвная площадь земли, причем крестьянами произведены запашки и посѣв в нѣкоторых фольварках, владѣльцы которых с началом военных дѣйствій скрылись. В городѣ **Петроковѣ** австрійцами на-днях организована постоянная полицейская служба, при чем город раздѣлен на участки, с назначеніем для каждаго участка коммиссара из лиц, окончивших юридическій факультет.

В **Плоцкой** и **Ломжинской** губерніях нѣмцами производится усиленная рубка мѣстных лѣсов, занимающих площадь в сотни верст. С этою цѣлью, ими устроено много легких подъѣздных путей, обслуживаемых частью паровой силой, частью же конной тягой. Много лѣсных участков совершенно уже истреблено.

Нѣсколько недѣль тому назад нѣмцами закончены были работы по устройству большой гавани в **Добржинѣ**, Плоцкой губ., предназначенной для пароходов и барок, приходящих из Плоцка и Торна. Это повело к сильному оживленію жизни в мѣстечкѣ. Съѣхалось много нѣмцев, занявшихся усиленной скупкой и вывозом в Германію — пароходами по Вислѣ — предметов, награбленных в краѣ нѣмецкими солдатами. В гавань направляется расхищаемый нѣмцами в губерніи лѣс и оттуда сплавляется в Торн. Начали функціонировать под руководством нѣмцев кирпичный и пивоваренный заводы, все производство которых отправляется в Торн. Нѣмцами тут же устроена рѣчная флотилія, состоящая из нѣскольких винтовых пароходов и моторных лодок.

В **Ченстоховѣ** и окрестности усиленно вербуются нѣмцами сельско-хозяйственные рабочіе, отправляемые в Силезію. Издано распоряженіе, обязующее населеніе представить властям список имѣющихся запасов съѣстных припасов. Ощущается острый недостаток в мясѣ, вызываемый запрещеніем вывоза скота из сосѣдних уѣздов. Вслѣдствіе продажи комитетом Рокфеллера значительнаго количества картофеля по удешевленным цѣнам (бѣдной части населенія) рыночная цѣна картофеля сильно упала.

В **Кутнѣ** нѣмцами устроена большая мастерская для починки винтовок и пулеметов, которые для этой цѣли доставляются в большом количествѣ.»

2) Во французских газетах — телеграмма из Петрограда:

«Комитет, назначенный по Высочайшему соизволенію из представителей Польши и Россіи приступил к занятіям по вопросу о дарованіи Царству Польскому начал самоуправленія, согласно выпущенному, в началѣ войны, манифесту Великого Князя Николая Николаевича».

Можно, таким образом, надѣяться, что, — если только дѣло о дарованіи Польшѣ начал самоуправленія будет подвигаться вперед с той же энергіей и быстротой, с какой движется занятіе и организація края нѣмцами, — самоуправленіе это не слишком уж запоздает и будет, наконец, даровано... ко дню взятія нѣмцами Варшавы и полнаго очищенія русскими Польши, не позже... Ибо, все-таки — «лучше поздно, чѣм никогда», не правда-ли?..

Э.

P. S. Доклад доктора Берійон относительно особеннаго «запаха нѣмцев», — о чем я бесѣдовал в прошлом номерѣ «Голоса Труда», — привлекает все болѣе и болѣе серьезное вниманіе. Крупнѣйшая и серьезнѣйшая парижская газета **"Le Temps"** посвятила этому докладу длиннѣйшую статью, в которой приводит из него ряд выдержек и обсуждает всю значительность этого новаго открытія.

Э.

Париж.

ПИСЬМО ИЗ ЛОНДОНА.

Соціал-шовинисты продолжают исполнять свои «революціонныя» обязанности и всѣ силы употребляют на то, чтобы навербовать побольше пролетаріев, которые шли бы на братоубійство во имя «культуры и свободы». Сколько усилій им стоило убѣждать рабочій класс, что эта война, не в примѣр другим войнам есть война «освободительная» — нѣт, поди же, не всѣ хотят согласиться с их доводами и находят, что эта война хуже всѣх других войн и носит чисто имперіалистическій, капиталистическій характер.

21-го іюля в большой залѣ «Квинг Голл» состоялся митинг, организованный соціал-шовинистами, на котором должны были выступать в качествѣ ораторов такіе видные «революціонеры», как Эмиль Вандервельде, Бен Тилет и др. Но как только предсѣдатель открыл митинг и начал говорить, как с разных сторон раздались возгласы против войны. Это совсѣм ошеломило почтеннаго «соціалиста» и он заявил, что он убѣжден в том что в вопросѣ о спасеніи отчества всѣ соціалисты едины. В отвѣт раздались многочисленные крики и возгласы: «Какое может быть у рабочих отечество?» и пр., кромѣ того анти-милитаристы начали требовать слова. Произошла безобразная сцена, так как протестантов начали выводить силой из помѣщенія. Началась драка, поднялся невообразимый шум, который продолжался до тѣх пор, пока не закрыли митинг.

Ораторы на всѣ лады старались всю вину свалить на нѣмецких соціальдемократов, которые де мол имѣют четыре милліона избирателей, а теперь ея члены разорили Бельгію, потопили Лузитанію и т. д. и ни слова не проронил о своих русских коллегах, которые облагодѣтельствовали Галицію и Польшу, охраняли честь женщин, защищали евреев и совершали другіе благородные подвиги.

Я не намѣрен в этом письмѣ распространяться о дѣяніях господ соціал-патріотов, я хочу лишь констатировать тот факт, что число антимилитаристов в Англіи растет с каждым днем, несмотря на всѣ старанія соціал-патріотов.

24-го іюля 1915 г.

Я. А.

Край Завѣсы

Бьют не Россію: бьют режим.
(Из недавних разговоров).

В самом началѣ войны мнѣ случалось не раз бесѣдовать на тему об открываемых ею «перспективах» и «горизонтах»... И, далѣе, о том, какія именно перспективы представляются, — учитывая войну как исторически совершившійся факт, — наиболѣе выгодными, наиболѣе «желательными» теоретически, с точки зрѣнія интересов революціи и освобожденія трудящихся.

Помню, я нерѣдко выражал тогда свою точку зрѣнія слѣдующим, приблизительно, сжатым и «парадоксальным» образом.

Если бы, — говорил я, — управляющее судьбами человѣчество Провидѣніе вдруг, как это бывает в сказках, остановило меня и сказало: «Слушай, смертный! У меня явилось капризное желаніе поступить в этой войнѣ так, как ты мнѣ прикажешь... Говори, чьей побѣдой хотѣл бы ты, что бы она кончилась. Я сдѣлаю по твоему слову...» Если бы, таким образом, исход войны был поставлен в зависимость от моего прямого, личнаго желанія, то я отвѣтил бы:

Хочу, во-первых, чтобы нѣмцы разбили русских, ибо это может дать необходимый «физическій» толчок к назрѣвшей в Россіи революціи.

Хочу, во-вторых, чтобы нѣмцы нанесли хорошій удар Франціи, ибо это может и французам помочь выбраться из того мѣщански-буржуазнаго болота, в каком они увязли по горло. —

Хочу, в третьих, чтобы в концѣ концов, кто нибудь разбил на-голову и самих нѣмцев, по аналогичным соображеніям. —

Не знаю, сумѣло ли бы мудрое Провидѣніе выполнить мои желанія... Вся трудность для него, в этом случаѣ, заключалась бы, внѣ всяких сомнѣній, в том **«ком-нибудь»**, который должен был бы в конечном счетѣ, разбить самих нѣмцев. Ибо, если бы мнѣ, так-таки, и пришлось говорить серьезно с Провидѣніем, то, разумѣется, я поставил бы условіем, чтобы этот «кто-нибудь» не был одним из современных буржуазных государств...

⁂

Множество раз, с тѣх пор, ставился и **серьезно** разбирался в соціалистической печати всѣх оттѣнков жгучій вопрос о том, что было бы **большей** угрозой и опасностью для свободы народов, для демократій, для дальнѣйшаго развитія рабочаго движенія, словом — для поступательнаго движенія человѣчества: побѣда ли германскаго блока, или же побѣда альянса?

Совершенно естественно, что вопрос этот никогда не мог быть опредѣленно и неопровержимо **рѣшен**, ибо для того или иного рѣшенія его нѣт достаточных данных. Авторы ограничивались, конечно, тѣм, что высказывали свое личное **мнѣ**ніе и старались болѣе или менѣе убѣдительно его аргументировать.

В частности, и на страницах «Голоса Труда» вопрос этот затрагивался не один раз. Читающіе его товарищи, знают, конечно, что, напр., тов. М. Корн склонен усматривать большую опасность в побѣдѣ германскаго империо-милитаризма, тогда как сама редакція «Голоса Труда» опасается в неменьшей степени побѣды русско-французскаго альянса.

Имѣлись также серьезныя попытки ввести вопрос в плоскость не **чьей-либо**, а «ничьей» побѣды. Предвидѣлось, что наилучшим, с сказанной выше точки зрѣнія, результатом было бы, чтобы никто не побѣждал: чтобы всѣ, в виду простого истощенія сил и невозможности продолжать войну, вернулись во-свояси « с пустыми руками». Указывалось, что такой результат мог бы весьма наглядно показать массам всю нелѣпость войны, всю безсмысленность и безполезность затрачиваемых сил и приносимых жертв; мог бы вызвать в массах глубокое броженіе и недовольство; причем **ни одно** правительство, в этом случаѣ, не имѣло бы повода особенно ликовать и гарцовать перед своими «вѣрноподданными»... «Голос Труда» не раз останавливался на этой гипотезѣ и совершенно справедливо отмѣчал, что ход событій **дает извѣстныя основанія** предугадывать такой исход войны «в ничью».

Но, до самаго послѣдняго времени, невозможно было высказаться по всему этому вопросу сколько-нибудь **опредѣленно**, в смыслѣ предположеній и учетов... Приходилось идти через-чур ощупью. Трудно было приподнять хотя бы краешек тяжелой завѣсы, отдѣляющей нас даже от ближайшаго будущаго...

⁂

Развернувшіяся за самое послѣднее время и продолжающія развиваться все в том же, новом направленіи событія позволяют уже теперь, кажется мнѣ, приподнять этой край завѣсы и, — пусть все еще весьма предположительно, но с еще болѣе вѣскими основаніями, — остановиться на кой-каких общих перспективах .

Событія эти состоят, как извѣстно, в том, что Россія в настоящее время терпит, повидимому, окончательное и рѣшительное пораженіе, и что, в связи с таковым, внутри страны растет недовольство, начинается броженіе, напоминающее по своему характеру, «смутное время» 1904-5 годов.

И вот тут-то вспоминается мнѣ невольно мой фантастическій разговор с мудрым Провидѣніем.

Всякій раз, когда читаешь о чудовищных пораженіях русских армій, в связи со всѣм тѣм, что узнаешь о внутренних событіях на родинѣ, — не можешь не говорить себѣ: «Пусть ужас охватывает при мысли о той цѣнѣ, какую платит русскій народ исторіи за счастье быть еще раз побитым в войнѣ... Пусть кровь стынет от ярости, скорби и муки при видѣ всего того, что разыгрывается в настоящее время в злосчастной Россіи, — но, не пройдет же все это безслѣдно!.. Пораженія и их послѣдствія **могут, должны** дать новый толчок русской революціи... И на этот раз, если только революція начнется, она будет имѣть серьезные шансы на успѣх...»

И невольно думаешь дальше: « В концѣ концов, не так уж невозможно, чтобы Германія разбила-таки, в большей или меньшей степени, всѣх своих противников... Россію она, во всяком случаѣ, может разбить на-голову, это ясно... И — кто знает? — такой финал приведет-таки, быть-может, к взрыву народнаго гнѣва в Россіи, а затѣм, может быть, и во Франціи, а быть-может и в Англіи... Ибо — переполнится всюду чаша терпѣнія народнаго...»

И тут же думается: «Но, Бог мой! Что же будет тогда твориться в «побѣдоносной» Германіи?.. Какой ужас предстоит в будущем нѣмецкому трудовому народу, если Германія выйдет из войны рѣшительной побѣдительницей, в ликованіи диктующей условія мира!.. Какая страшная реакція, какая оргія имперіализма, милитаризма и пр. может начаться там!.. И каким огромным препятствіем может служить эта черная сила революціонному размаху в других странах... Нѣт, Необходимо, исторически необходимо, чтобы **и Германія была, в конечном счетѣ, кѣм-нибудь побита;** чтобы и в Германіи не могло быть побѣднаго ликованія...»

И думается еще: «Но, быть-может, Германія, истощенная, вынуждена будет, в концѣ концов, капитулировать перед Англіей?.. Англія, быть-может, — в настоящих условіях в особенности, — менѣе других «вредно» выйти из войны в роли побѣдительницы?.. Или, может быть, Германія, даже в случаѣ побѣды, будет не до ликованія послѣ этой бойни, и населеніе ея, все-таки будет недовольно?..»

И чувствуя, что эти послѣднія размышленія неубѣдительны, наталкиваешься на еще одну возможность, еще одну «перспективу», — ту самую, к которой я, собственно, и веду свою рѣчь.

⁂

Возможность эта могла бы показаться **утопической**, почти «дикой», если бы не наличность нѣскольких весьма вѣских, говорящих за нее, соображеній:

1) Не слѣдует упускать из вида, что настоящую войну нельзя разсматривать и учитывать как отдѣльное, законченное, самостоятельное и самим собою исчерпываемое явленіе. Война эта представляет из себя во всяком случаѣ, явленіе **исторически грандіозное.** Ея «итоги» не могут замереть в предѣлах ея самой. Безчисленные и глубокіе круги пойдут от нея во всѣ стороны и на многое число лѣт. Она положит глубокій отпечаток на все 20-ое столѣтіе. Она явится, несомнѣнно, началом цѣлой великой эпохи, — эпохи длительной и колоссальной как по своему размаху, так и по своему содержанію и послѣдствіям... Она, сама по себѣ, — лишь прелюдія к цѣлому ряду крупнѣйших потрясеній, перемѣн, сдвигов и переворотов... Ибо слишком **до основанія** потрясет она устоявшееся-было и начавшее коегдѣ загнивать болото исторической жизни народов, и вызовет в этих спящих водах не одну бурю, не один ураган...

Ну, а если позволительно предположить, что волны этой войны не улягутся в берега, не поразмыв основательно «устоев» внутренней жизни народов; что взбаламученное этой войной до самаго дна море народной жизни не успокоится так легко и просто, и отраженным образом вызовет новыя и новыя бури и потрясенія, — то позволительно идти в своих разсужденіях и дальше, а именно:

2) Быть может, разбитая нѣмцами Россія произведет **еще до окончанія этой грандіозной войны** (мы имѣем примѣр тому в Русско-Японской войнѣ) рѣзкую, рѣшительную и плодотворную революцію, перед которой «революція» 1905 года была лишь «генеральной репетиціей»...

Быть может, эта революція окажется настолько «великой», что, подобно Великой Французской Революціи, вдохнет колоссальную, всесокрушающую энергію в сердца людей; быть может, тогда русскій народ, подобно французскому во дни Великой Революціи, возстав и рѣшительно сломив старый строй, сумѣет быстро сорганизовать крупныя силы и преобразить войну гнилого русскаго самодержавія с нѣмецкой военно-промышленной кастой в дѣйствительно освободительную войну революціоннаго, проснувшагося к новой жизни народа со всякими, в том числѣ и нѣмецкими насильниками; быть может, не только бельгійскія, итальянскія, французскія и англійскія, да и **сами нѣмецкія** сознательныя массы прямо или косвенно поддержат его в этой великой, революціонной войнѣ; и, быть может, молодая революціонная Россія справится, таким образом, с нѣмецким военным насиліем, подобно тому, как санкюлоты Великой Революціи справились с поднявшейся на них европейской коалиціей... Быть может, эта великая эпопея подаст сигнал к великому пожару, а в бурѣ всеобщаго негодованія и бунта рухнут, и разобьются, наконец, тысячелѣтнія цѣпи рабства на всей освобожденной землѣ?...

В. Э.

(Окончаніе слѣдует).

Размышленіе

Высокая, крѣпкая стѣна раздѣляет народ и правду-истину.

Порабощенный и физически, и духовно, он слѣпо вѣрит в то, чего не видит, не слышит, не чувствует и не осязает.

Долготерпѣливый и без ропота все переносящій, он задыхается в туго-затянутой на его шеѣ петлѣ, имя которой «религія».

Что бы он ни дѣлал, куда бы он ни шел, его всюду и вездѣ преслѣдуют одни и тѣ же слова:

«Бога бойся, а Царя чти».

Не будешь бога бояться — угодишь в огонь вѣчный. Не будешь царя чтить — будешь в тюрьму посажен.

На землѣ он, с малых пеленок и до гробовой доски, раб царя. Когда умрет, становится вѣчным рабом бога.

И нѣт ему выхода из этого, как бы заколдованнаго, круга. Так хитро его обставили.

Оставим пока в сторонѣ земного рабовладѣльца-царя. Говорить о нем много не приходится, ибо его существо нам хорошо извѣстно. Знаем, что он груб, дерзок, несправедлив и жесток. Знаем, что он есть не что иное, как воплощеніе дикости, зла и насилія. Поговорим лучше о другом, **невидимом** рабовладѣльцѣ, имя котораго «Бог».

На вопрос: «гдѣ он живет?» нам отвѣчают: «там, на небесах.» А вѣдь было время, когда он был на землѣ. Звѣри, морскія чудовища — вот что признавалось за бога. Люди поклонялись всему, что было недоступно их пониманію. Теперь, если и есть такіе люди, то их называют дикарями. Но с теченіем времени, когда народ мало-мало стал грамотнѣе, развитѣе, когда он стал понимать свои заблужденія, бог очутился на небѣ.

Сам ли он туда перешел, или другіе его перенесли — не знаю. В понятіи людей этот бог теперь уже является не звѣрем, не морским чудовищем, не луной, не солнцем, а таким-же, как и мы, человѣком, но только всемогущим, всезнающим, всевѣдущим, всеблагим.

Является непонятным, на каких это небесах он может находиться, когда наука ясно доказала, что никаких небес нѣт, а есть одно безвоздушное пространство, с милліонами таких же міров, как и наша земля? На чем может держаться тогда его великое небесное управленіе? А что оно, по своим размѣрам, громадно — так доказательством тому служат существующія, яко-бы: рай, ад, легіон чертей и ангелов, при чем послѣдніе даже раздѣляются на девять ангельских чинов (стало быть и там чины!).

«Бог — хозяин всей вселенной, которую он создал, якобы, из **ничего** в теченіе 6-ти дней. Придет время, когда он назначит страшный суд и над тѣми, что умерли и над тѣми, что будут в живых. Праведных посадит в рай, а грѣшников — в смолу».

Неизвѣстно только, что будет со звѣрями, птицами, рыбами и насѣкомыми. Куда они, бѣдные, пойдут?

Теперь допустим, что бог — творец всей вселенной, в том числѣ и земли, на которой мы живем. Раз он всевѣдущій, то стало быть ему извѣстно, что творится на землѣ. Вѣдь если домохозяин допускает в своем домѣ насиліе одного над другим, — в то время, как он мог бы этого не допустить, — то домохозяина этого у нас судят, как преступника. Кѣм-же тогда является он, бог, допускающій насиліе сильных над слабыми, богатых над бѣдными? И можно-ли, послѣ этого, назвать его всеблагим, вседобрым?

Дальше. Допустим, что Іисус, жившій когда-то на землѣ, являлся дѣйствительно сыном бога. Мы знаем, что все ученіе Іисуса сводилось к слѣдующему: «люби ближняго своего, как самого себя». «Не дѣлай другому того, чего не желаешь, чтобы другіе тебѣ сдѣлали». Просто и ясно. Спрашивается: чѣм же об'яснить такое изобиліе религій и сект, которыя мы видим теперь?.. Истина, которая так ясна и проста, толкуется разно. А сколько из-за этого ссор, междоусобиц, дрязг! И это продолжается уже почти 2000 лѣт.

Вѣдь если какой-либо оратор говорит что-нибудь и потом видит, что люди, не понимая его, начинают ссориться между собой, то он сейчас-же, дабы прекратить ссору, раз'ясняет возникшее между ними недоразумѣніе. И ссорѣ конец. Почему же он, бог, видя религіозныя междоусобицы, молчит? Развѣ это его не касается?

Допустим, что творец вселенной — живой бог. Но вѣдь мысль человѣческая не останавливается. Она ищет доказательств. Она требует отвѣта. Откуда же живой бог взялся? Кто его сотворил? На эти вопросы, которые мы, атеисты-безбожники, задаем к тѣм, что говорят о богѣ, нам отвѣчают:

«Этого нам знать не дано».

И подобных вопросов с такими курьезными отвѣтами «этого нам не дано знать» не один и не два, а десятки.

И вот, когда все это начинаешь обдумывать серьезно, провѣрять все фактами, то приходишь к одному заключенію: бог, живущій гдѣ то в небесах, ад и рай, ангелы и черти — все это сказки, дабы околпачить, сбить с толку народ, убить в нем всякую живую мысль и желаніе добиваться **устройства на землѣ разумной, свободной жизни.**

Наши грѣхи — это наша темнота и невѣжество.

Небесный бог —это вѣрная защита тунеядцев-богачей в их счастливой, спокойной, праздной жизни.

Анатолій Васильев.

Контора газеты «Голос Труда» проcит всѣх подписчиков своевременно сообщать о перемѣнѣ адреса, а не получающих газету, **извѣщать об этом, для заявленія почтѣ их претензій.**

ДОЛГ КАЖДАГО ТОВАРИЩА ПРІИСКИВАТЬ ПОДПИСЧИКОВ ДЛЯ «ГОЛОСА ТРУДА».

Обреченные

"Morituri"

Роман **Вл. Забрежнева.**

(Продолженіе).

...Слабый, полупридушенный жалобный стон пронесся по сводчатому коридору. Димитрій Петрович насторожился, оборвав нить своих воспоминаній. Забѣгали жандармы, хлопая тяжелыми дубовыми дверями свободных камер, чтобы заглушить все сильнѣе раздающіяся истерическія рыданія. Димитрій Петрович прильнул ухом к стѣнѣ и убѣдился, что они исходили из камеры сосѣда.

В самом дѣлѣ, — Царьков сплоховал. Не выдержали натянутые нервы. Забившись в угол, он горько плакал, кусал платок, проклиная свою невольную слабость и все же не мог остановиться

— Мама, мама, — шептали непослушныя губы.

Маленькая дѣтская кроватка, вся бѣлая, представилась ему и над нею склоненное милое лицо матери. И слезы обильнѣе заструились из глаз.

Послышался топот многочисленных ног и бряцанье шпор: привели доктора.

Димитрій Петрович позвонил и попросил к себѣ врача. Минут через десять дверь его камеры отворилась, пропустив старика в формѣ военно-медицинскаго вѣдомства. Вслѣд за ним вошел старшій жандарм и почтительно остановился в нѣскольких шагат от кровати, держа фуражку перед грудью, как «на молитву».

— Доктор, что с сосѣдом? — спросил Димитрій Петрович по латыни.

— А, вы — коллега! — воскликнул врач.

Димитрій Петрович тут только сообразил какой промах он сдѣлал.

К счастью, жандарм вмѣшался:

— По иностранному не приказано-с разговаривать!

Доктор — дѣйствительный статскій совѣтник — почувствовал себя оскорбленным вмѣшательством жандарма. Но он был не у себя, к тому же в «Инструкціи» дѣйствительно имѣлся такой пункт. Поэтому, нахмурившись, он ограничился сухой, безличной репликой:

— Дѣло идет о болѣзни.

И приложив ухо к груди паціента, как бы для изслѣдованія, произнес уже по русски:

— Ничего, ничего серьезнаго. Нервы немножко расходились. Я вам **тоже** бромистаго кали дам.

Профессіональная солидарность проявилась лишній раз. Димитрій Петрович понял из этого косвеннаго отвѣта, что можно не опасаться нескромности доктора и получил нужныя ему свѣдѣнія. Но в то же время отвѣтная конспиративность обязывала выпить лекарство.

Что ж, в сущности, это и для меня не лишнее, — подумал он и покорно проглотил налитый ему стаканчик горько-соленой жидкости.

Рыданія стихли за стѣной, и снова мрачное зданіе погрузилось в молчаніе. Через четверть часа и Димитрій Петрович спал мирным, глубоким сном.

VIII.

На другое утро, возвращаясь с прогулки, Царьков с удивленіем замѣтил, что прогулочные конвоиры вывели его с дворика через другое крыльцо, чѣм обыкновенно.

Для чего то прошли сперва по корридору нижняго этажа, поднялись во второй, но вмѣсто того, чтобы направиться к камерам, повели по корридору, идущему к канцеляріи, снова опустились и, пройдя низом до слѣдующаго поворота, гдѣ оказалась новая лѣстница, стали подниматься по ней.

— Чего они крутят? — задал себѣ вопрос Царьков.

Когда вступили опять в корридор второго этажа, он смутно ощутил, что его камера осталась гдѣ то позади.

— Хотят отсадить от Рингера! — молніей пронеслась мысль. И сердце сжалось тоской.

Ряд пустых камер зіял своими раскрытыми дверями, словно пасти чудовищ, готовыя поглотить неосторожную жертву.

— Только не в эту! — подумал он, заглянув в одну, показавшуюся ему еще мрачнѣе других.

И в тот же момент почувствовал, что он уже переступил порог ея и тяжелая дверь с шумом захлопнулась за спиной его.

Как это случилось — он не мог отдать себѣ отчета. Сам ли вошел машинально, втолкнули ли его, знаком пригласили войти.... Во всяком случаѣ произошло это как то внезапно и у него не было времени даже протестовать.

Он остался стоять посрединѣ камеры в каком то оцѣпенѣніи. Наконец окинул взглядом новое жилище и убѣдился, что все уже было приготовлено заранѣе, во время прогулки.

Его «вещи», — то немногое, что разрѣшается имѣть при себѣ в Крѣпости: чайник, кружка, пакеты с чаем и сахаром были расположены на столѣ, в уголкѣ котораго стояла прислоненная к стѣнкѣ казенная иконка. Изо дня в день он упорно, чтобы позлить жандармов, клал ее под пакет с сахаром, изображеніем книзу и каждый же день с неизмѣнным упорством, жандармы во время его прогулки водворяли ее на излюбленное мѣсто. Так стояла она и теперь.

Даже халат предупредительно разостлан на постели и перед ним красуются желтыя тюремныя туфли.

О, этот халат! Как унизительна была процедура обыска и перваго облаченія в него по прибытіи в Крѣпость. В других тюрьмах ничего подобнаго не практикуется и может быть потому, надѣв на себя казенное бѣлье и этот отвратительный балахон, Царьков впервые почувствовал себя арестантом.

С теченіем времени это ощущеніе притупилось и теперь он даже доволен был, что вмѣстѣ с камерой ему не перемѣнили и халата. Медленно переодѣлся он и стал размышлять, каким бы путем узнать поскорѣе номер своей новой камеры и сообразить, насколько удален он от Рингера. Это ему казалось теперь всего важнѣе.

Любопытство его не подверглось слишком долгому испытанію. Когда принесли обѣд, на свинцовой посудѣ он прочел выцарапанный номер — 57. Всего пять камер раздѣляло их.

К чему же была вся эта комедія с таинственными переходами по нижним корридорам? Нѣт, плохіе конспираторы — господа жандармы!

На душѣ повеселѣло. Правда, перестукиваться не придется, но все же пріятно чувствовать близкаго человѣка в одном и том же корридорѣ...

Пообѣдав, Царьков принялся разсматривать новую посуду. Но тщетно старался разобрать он многочисленныя надписи и подписи узников, тщательно соскобленныя жандармами.

Тогда у него явилась жгучая потребность оставить память о себѣ. Оторвав крючек от ворота халата и не без труда отогнув заостренный конец, который он поточил еще о дно кружки, Царьков принялся выцарапывать по бордюру тарелки миніатюрныя черточки. Пользуясь тюремной азбукой, он шифровал свое имя и время заключенія наклонами черточек то в ту, то в другую сторону. Быть может, жандармам и в голову не придет, что длинная тонкая цѣпь не простое невинное украшеніе...

По мѣрѣ того, как он писал, стихи зародились в его головѣ и слово за словом, буква за буквой он стал шифровать их в глубинѣ тарелки:

«Как будто-бы искусною рѣзьбою
Края ея свинцовые покрыты.
И знаю я, — под каждою чертою
Страдальцев имена сокрыты.

Жандармы их старательно стирали...
Напрасный труд: мнѣ каждый штрих разскажет
О тѣх, кто здѣсь, как я, в неволѣ изнывали.
Мнѣ **сердце** буквы стертыя подскажет!

Читаю имена и — длинней вереницей
Товарищи проходят предо мной.
Какою скорбною и мрачною страницей
Их память впишется в исторіи родной...

Угасли уж одних младыя жизни,
Другіе и сейчас еще свой крест несут
И, в жертву принеся себя своей отчизнѣ,
Страданій чашу мужественно пьют.

О, вѣрьте, братья! Мы погибнем не напрасно!
Исчезнет тьма и **воцарится** свѣт,
И **будет** жизнь для всѣх равно прекрасна!
Привѣт товарищам! Товарищам привѣт!

Окончив работу, он почувствовал облегченіе.

В самом дѣлѣ, развѣ один он здѣсь? Развѣ не населена эта камера, весь этот дом томленія, милыми тѣнями —чужими и страшно близкими?

Все послѣобѣда он провел в тщательном изученіи стѣн камеры, всѣх закоулков ея, в поисках слѣдов ея прежних обитателей.

Много надписей уталось от бдительнаго дозора жандармов. Изобрѣтательность узников изощрена куда больше, чѣм служебное рвеніе тюремщиков. Много имен уцѣлѣло на протяженіи долгих лѣт, захватывающих еще героическій період Народной Воли. Нѣкоторыя врѣзаны так глубоко, что проступают даже сквозь послѣдующій слой штукатурки, стоит найти благопріятное освѣщеніе.

Наконец, на нижней поверхности желѣзной доски, замѣняющей стол, оказалось цѣлое длинное посланіе. Жандармам и в голову не пришло заглянуть в столь укромное мѣстечко. Правда, и прочесть его было довольно затруднительно при скудном свѣтѣ угасающаго дня.

В ожиданіи свѣчи, Царьков открыл еще нѣсколько знакомых имен, выцарапанных на прутьях желѣзной кровати, на кранѣ умывальника.

Послѣ ужина, как только жандармы принесли огонь, он примостился на корточках под столом и при трепетном мерцаніи свѣчи, медленно, слово нехотя, стали возстанавливаться перед ним одна за другой запыленныя, полустершіяся от времени буквы, сливаясь в грустныя строки:

«...Ночь. Тьма сгустилась под сводом. В окошко, среди узкой полоски темнаго неба, виднѣется всего одна лишь звѣздочка и слабый колеблющійся блеск ея, такой неувѣренный, не в силах разогнать тяжелыя думы.

Ночь. Тихо кругом. Спят товарищи по заключенію. Спят тюремщики. Все спит. Только мнѣ не спится. Мучительно сжимается сердце тоской. И не в силах ободрить меня слабая надежда, едва теплящаяся гдѣ-то там, в глубинѣ души, как робкое, чуть замѣтное мерцаніе этой звѣздочки.

Годы и годы пройдут. И по прежнему буду я видѣть только эти постылыя стѣны, свод над головою, да это окно с рѣшеткою, за которым с жалкой полоски неба изрѣдка будет мнѣ слабо улыбаться моя пріятельница-звѣздочка.

Там, за стѣной, за этой надежной, гранитной стѣной, жизнь кипит; жизнь, от которой, быть может навѣки отрѣзан я! Там борятся товарищи, гибнут...

Скоро ли разсвѣт?..

Страшно, безнадежно мнѣ. Хочется биться головой о стѣну, хочется остановить неустанную думу, неумолимую, жестокую память...

Но с безпощадной яркостью встает былое предо мною. Зачѣм? Зачѣм? Для того лишь, чтобы еще больнѣе чувствовалось все, что утрачено навсегда?

Оживают знакомыя, милыя тѣни, слышится голос родной...

Гдѣ всѣ они? Что с ними? Быть может, также томятся в эти долгіе часы безконечной ночи?

Когда мы были сосѣдями. Стучали и жили общей жизнью. Доходили порой вѣсти из живого міра. Но давно уже до меня доносятся лишь издали слабые отзвуки шагов. Шагов незнакомых. Чьих? Еще новые борцы попали в руки врага...

...Проснулся тѣлохранитель. Принес лекарство. Скоро засну. Словно в волшебной сказкѣ унесусь я в минувшее. Я буду свободен, я буду снова бороться, жить!.. Ах, если бы никогда не просыпаться!..»

С болью слѣдил Царьков за переживаніями невѣдомаго корреспондента. Как понимал он непреодолимое стремленіе узника лишеннаго втеченіе долгих мѣсяцев письменных принадлежностей и всякаго общенія, излить свои чувства при помощи хотя бы свернутой свинцовой обложки от чая, утаенной от жандармов, в надеждѣ, что может быть, когда нибудь другой такой же подневольный обитатель прочтет и оцѣнит их.

«ГОЛОС ТРУДА»

GOLOS TRUDA

(THE VOICE OF LABOR)

Published Weekly by the
RUSSIAN LABOR GROUP OF NEW YORK
A. RODE, *Secretary-Treasurer*

OFFICE:
586 East 140th Street New York, N. Y.

SUBSCRIPTION RATES:
United States

One Year	$1.00
Six Months	.60
Three Months	.35

Single Copy 2 Cents
Foreign and Canada.

One Year	$1.50
Six Months	.85
Three Months	.50

Single Copy 3 Cents

Entered at the Post Office at New York, N. Y., as Second Class Mail Matter.

Редакція не принимает на себя отвѣтственности за помѣщаемыя в «Голосѣ Труда» объявленія.

Пасынки Жизни

Сумерки надвигаются, и тихая грусть проскальзывает в нашу комнату. В окно таинственно смотрят возрожденныя к новой жизни деревья, изрѣдка покачивая своими верхушками; онѣ дрожат от прилива могучих свѣжих сил, нѣжатся, отдаваясь безсознательному творческому процессу — страстному призыву к жизни — жизни свободной, радостной, вѣчто-праздничной до неминуемой смерти...

Так незамѣтно прокрадывается грусть, какбудто притаившись в укромном мѣстечкѣ, она теперь испарялась из стѣн и обволакивала нас своим туманом...

Посадив младшаго из двух братьев к себѣ на колѣни и обняв другого, я жадно присматриваюсь, прислушиваюсь к, казалось, родственным звукам, невнятным, но ощущаемым — сердце бьется сильнѣй, грудь дышет порывистѣй, и еще мгновеніе, чудилось, крылья вырастут за плечами, и полетишь к спокойно мерцающим звѣздам, невѣдомым мірам, подальше от ужасов Земли..

И незамѣтно темнѣет все больше. Дѣти жмутся тѣснѣе, сердце охватывает внезапная тоска, невольная слеза вдруг скатывается с рѣсниц и обжигает мою руку. Я плачу... О чем?

О том ли, что жизнь слишком рано сдавила в своих тисках, подавила молодые порывы, не дав им расцвѣсть?

О том ли, что не летѣть мнѣ уже, как изуродованной, безкрылой птицѣ, высоко, широко расправив крылья, когда природа оживает, зовет куда-то в даль, на простор, мощно расправляя свои члены, скованные долгой суровой Зимой, наполняя их свѣжим соком новой жизни?

Царьков лег на кровать и потушил свѣчу. В темнотѣ камера наполнялась призраками прежних жильцов.

Боже! Сколько страданій, тяжелой душевной тоски пережито в этих стѣнах: И какой же неумолимый бич заключеннаго — память!

Недаром нѣкій древній царь отвѣтил мудрецу, предложившему научить его искусству помнить и просившему в награду пол-царства:

— Я отдал бы тебѣ цѣлое царство, если бы ты научил меня искусству забывать. Многое хотѣл бы я забыть и не могу...

—И не могу! — со вздохом повторил Царьков.

И так же, вѣроятно, вздыхали и вздыхают тысячи людей, чья жизнь разбита, мучась в своем одиночествѣ...

***

...Послышались осторожные шаги у двери, щелкнул глазок, раздался тревожный шопот:

— Темно! Спички есть у тебя?

— Нѣт.

— Бѣги скорѣй за лампой!

Топ, топ, топ... Неуклюже ступая на носки тяжелых сапог, помчался дежурный в другой конец корридора.

Вот он вернулся. Быстро, быстро открылась дверь и, высоко держа лампу над головой, жандарм бросился в угол камеры, гдѣ выше человѣческаго роста расположен рѣшетчатый отдушник.

На мгновенье оба застыли в тревожной позѣ. Но вот по лицам их разлилась улыбка и одновременно из грудей вырвался вздох облегченія.

Они обернулись и, увидѣв Царькова спокойно лежащим на кровати, молча зажгли свѣчу. И лишь уходя, один из них промолвил с укором:

— Не дозволено огня тушить.

Снова захлопнулась дверь. Царьков невольно улыбнулся, вспомнив испуганныя лица.

— Так вот гдѣ спасительный выход! — подумал он, переводя глаза на рѣшетку отдушника. Не раз, навѣрное, служила она послѣднюю службу истомившимся узникам...

—Но нѣт, не пойду я на это! Еще много дѣла впереди. Моя пѣсня не спѣта.

И с этими бодрыми мыслями он незамѣтно заснул. Во снѣ он был свободен и — счастлив.

(Окончаніе слѣдует).

Не знаю. Жизнь казалась безпросвѣтной, окутанной непроницаемым мраком...

Младшій братишка жмется, зарывает поглубже голову:

— А мама сегодня не пріѣдет?

— Поздно уже... я думаю, что не пріѣдет, — отвѣчаю я ему, и вижу — неизбывная тоска у него в глазах, безмолвный упрек кому-то. Мнѣ становится жаль его.

— Нѣт.... нѣт.... она сегодня пріѣдет. Она передала лѣсничим, что пріѣдет, — утѣшаю я его.

Я не мог замѣнить ему матери. Мои об'ятья были жестки, и во взорѣ моем он видѣл неспокойную душу мою и ея безсиліе. Только иногда, охваченный ужасом жизни, я в отчаянном порывѣ схватывал его с готовностью пойти на всякую жертву, чтобы спасти его. Но он скучал. Так нѣжны были ласки матери, так благотворно онѣ влiяли на душу, так, полные беззавѣтной любви, свѣтились глаза...

— Пріѣдет?!. — надежда и сомнѣніе мелькают в его больших мечтательных глазах. Он молчит нѣкоторое время, а затѣм недовѣрчиво говорит:

— Поздно вѣдь... и та-же безысходная печаль в глазах, то-же недоумѣвающее выраженіе на лицѣ. Больная душа! Вѣчно тихій, с'ежившійся от всякаго крика, как от внезапно причиненной острой боли, с неестественно-развитым сочувствіем к чужому несчастью — все это дѣлало его пассивным, убійственно дѣйствовало на его маленькое разслабленное тѣльце.

Как непохож он был на Митю! Девятилѣтній Митя был совершенно иного характера.

Потому любил я останавливаться на нем своим взглядом и слѣдить за живой игрой смѣняющихся выраженій на его здоровом личикѣ с упрямой черточкой в углах губ, со сдвинутыми бровями, когда при чтеніи сказки, радость, сожалѣніе, ненависть, — одно за другим, отражались в его смѣло глядящих, с нѣкоторым задором, черных, как уголь, глазах. Сильная натура выковывалась в нем с прямой открытой душой, без тѣни какого-нибудь страха. Да, он уж сильно любил, но еще сильнѣе ненавидѣл. Любил он простыя, добрыя отношенія между людьми и презирал, ненавидѣл всѣми фибрами своей дѣтской души всѣх тѣх, кто смотрѣл свысока, кто унижал, кто властвовал...

—У, надулась, как индюшка! — обыкновенно говаривал он при видѣ владѣлицы, которая изрѣдка наѣзжала к нам в лѣс; и с отвращеніем сплевывая, он исчезал на цѣлый день, а к вечеру приходил мокрый, оборванный, но бодрый, смѣлый, с вызывающим лицом и широко раздувающимися ноздрями.

— Гдѣ ты был? — спросит его бывало мать.

— В лѣсу был, — сухо отвѣчал он, не глядя на нее, точностыдясь ея. Да, он краснѣл, болѣл от стыда, когда мать робко кланялась, слезливо просила о барской милости — сжалиться над нею, над сиротами-дѣтьми. Как раненый тигренок, он готов был вцѣпиться в толстое, самодовольное лицо и изгрызть, исцарапать его, и он убѣгал в лѣс, гдѣ вел безпощадную борьбу с гадюками или проводил время в гостях у птиц, бѣлок, цѣлое стадо которых, им прирученных лазило у нас во дворѣ.

Поведеніе его сильно огорчало мать. Тяжело приходилось ей послѣ смерти отца. Издѣвательства, помыканье, вѣчный страх быть оклеветанной и высланной, пойти с сумой по міру висѣл над нами, и мать выбивалась из сил, чтобы удержаться как-нибудь, пока мы подрастем, окрѣпнем настолько, чтобы постоять за себя на полѣ напряженной борьбы за свое существованіе.

Вот уже восемь дней, как мать была вызвана к барынѣ в город для помощи в предпраздничных работах. Мы ожидали ее со дня на день, просиживали у окна до поздней ночи, выглядывая, не покажутся-ли вдали, по дорогѣ волы с скрипучим возом, а на нем маленькая фигурка матери, горящая от нетерпѣнія скорѣе увидѣть нас. И каждый вечер раздавался тоскливый голос, полный безнадежности:

— Не пріѣдет мама...

Густая тьма за окном скрывает за собой дорогу. Деревья кажутся призрачными великанами, уродливо простирающими свои длинныя руки с длинными цѣпкими пальцами.

— Пора спать! — говорю я, но в эту минуту доносится какой-то скрип, нѣчто темное выдѣляется своей массой, и радостный лай Кадика сообщает нам желанную вѣсть о возвращеніи матери.

— Мама! мама! мама! — вскрикивает, задыхаясь, младшій и опрометью бѣжит на двор, сталкиваясь с матерью, хватает ее обѣими руками, плотно прижимается своим маленьким тщедушным тѣльцем, и глухія рыданія неудержимым потоком выливаются наружу, вмѣсто привѣта.

Это был безсознательный, но естественный крик чистой души против грубой несправедливости — насильственной разлуки матери с ея ребенком.

— Что ты?... Сашенька! Миленькій мой!.. — отрывисто шепчет мать, нагибаясь к нему. — Глупенькій ты! Вот и пріѣхала! — и губы у нея дрожат, все ея маленькое, до времени состарившееся, лицо морщится и из глаз текут обильныя слезы...

Но Сашенька, с трудом переводя дыханіе, все продолжает взывать: мама! мама! — точно его ни за что больно, больно обидѣли. Долгое время проходит, пока он успокаивается. Он всхлипывает все рѣже и рѣже — повидимому устал от острых, тяжелых для него ощущеній и стал засыпать в теплых материнских об'ятьях.

Но что за перемѣна в матери? Вмѣсто того, чтобы осыпать нас заботливыми вопросами: как мы жили? как наше здоровье? — она осталась сидѣть в неподвижной позѣ, безжизненно вперив свой взор в одну точку.

Дурное предчувствіе охватило меня.

— Мама! мама! — тормошу я ее, — почему ты так долго была там?

Мать медленно поворачивает ко мнѣ свое скорбное лицо, смотрит нѣкоторое время, как будто не узнает меня и вдруг, точно убѣдившись в ужасной дѣйствительности, с безнадежным отчаяніем в голосѣ вскрикивает:

— Дѣтки, дѣтки, мы пропали! — и, прижав к себѣ Сашеньку, начинает раскачиваться из стороны в сторону.

Мое предчувствіе оправдалось: нѣчто грозное, безпощадное надвигалось, готовое схватить нас в свои страшныя об'ятья.

— Что случилось, мама? Что случилось? — в страхѣ спрашиваю я.

— О, дѣтки, измучилась я вся за эти дни; по каплѣ высасывала она мою кровь .. Восемь дней не знала я отдыха, и подумать не могла о вас; а сегодня увидѣла, что работы меньше, — попросилась домой к вам... — мать безпомощно опускает голову и тихо продолжает: — набросилась она на меня с криком, стала обзывать разными именами: и потаскушкой, и нищей, и лѣнтяйкой, а затѣм совсѣм прогнала... О, дѣтки, куда мы пойдем? Куда? Куда?..

Это уже свыше моих сил. Я чувствую, как сердце что-то сдавило, большой клубок подкатился к горлу, и мнѣ нечѣм дышать... В слезах обнимаю ее, безсильный утѣшить чѣм-нибудь, весь подавленный горем...

Вдруг сдавленный крик доносится из-за стола, гдѣ сидѣл Митя. Блѣдный, дрожащій с искривившимся от злобы лицом, с безумным огнем в глазах, он дико вскакивает, хватает лежащій нож и с такой силой ударяет им в стол, что нож на четверть уходит в него.

— Я убью ее, мама!.. — вскрикивает он — я убью ее!.. — Долго сдерживаемыя рыданія прорываются у него наружу, и он, стыдясь своей невольно-обнаружившейся слабости, убѣгает в другую комнату...

Тѣнь мрачнаго будущаго носилась над нами..

Яков Губенко.

ИЗ РОССІИ.

(Из частнаго письма).

Дорогой друг! Вы не можете представить, как вдруг у нас измѣнилось настроеніе. Куда дѣвалась горделивая увѣренность в скорой побѣдѣ! Очищеніе русскими Галиціи и угроза дальнѣйшаго передвиженія германцев открыли нам глаза на истинное положеніе вещей.

Да, не даром германцы приготовлялись к этой войнѣ — они приготовились, увы! — слишком хорошо: все предвидѣли и запасли. Теперь, оказывается, весь вопрос не в количествѣ солдат, а в количествѣ снарядов. Французы и англичане первые забили тревогу, а за ними и мы, да только, кажется, поздно. Но лучше поздно, чѣм никогда! А потому у нас всполошились всѣ общественныя организаціи и всколыхнулся весь наш спокойный «тыл».

Масла в огонь подлили событія 28-29 мая, о которых и до вас уже, вѣроятно, дошел слух. Я говорю о жестоком разгромѣ нѣмцев в Москвѣ. Это была грандіозная картина разрушенія, подобной которой я не видѣл и в 1905 г.... Картина грандіозная, но и позорная, так как послѣ разрушенія и истребленія начался грабеж...

Первый день полиція бездѣйствовала, и громилы разошлись во всю. Были разграблены винные погреба, и началась вакханалія. Повторяю ничего подобнаго я не видѣл; врывались в частныя квартиры лиц с иностранными фамиліями. Но главным образом громили и жгли магазины, склады и конторы, причем уничтожено масса вещей, которыя несомнѣнно пригодились бы нашей арміи и раненым.

На другой день погром прекратился, но он надолго взволновал обывательскіе умы, и без того чутко реагировавшіе на событія в Галиціи.

Да, неудача наша на полѣ битвы полная, пробѣлы в дѣлѣ снабженія и подвоза боевых средств огромные. Но наша армія пока еще цѣла, а слѣдовательно, хотя и поздно, но слѣдует, чтобы и широкая публика и промышленники были привлечены к восполненію этих пробѣлов.

Особенно хлопочет общеземская организація, во главѣ с кн. Львовым. Это человѣк честный и достойный довѣрія. Насколько это удастся русскому обществу — покажет будущее; пока лишь приходится вспоминать, что всякая попытка к самосознанію в нем подавлялась безпощадно. Но теперь времена другія, и на этот раз, надо думать, правительство не откажется протянуть руку русскому обществу для об'единенія на почвѣ организаціи побѣды во что бы то ни стало. Германія должна быть побѣждена.

АНТИМИЛИТАРИСТСКОЕ ЗАЯВЛЕНІЕ*

Г-ну Военному министру.

Будучи обязан в этом году явиться для отбыванія так называемой воинской повинности, я подвергся, в октябрѣ 199 года, осмотру Х-ским уѣздным по воинской повинности присутствіем, был признан «годным» — и принят.

Но исходя из своих убѣжденій, я нашел невозможным подвергнуться, так называемому, добровольному принятію оружія для охраны своей родины от «внѣшних» и «внутренних» врагов. Не принадлежа ни к какой партіи или группѣ, я, убѣжденный антимилитарист, не мог принять на себя эту мерзкую и столь нечеловѣчную обязанность, как человѣкоубійство. Я, как человѣк, не мог отдать себя добровольно на холопство пред остатками стараго подгнившаго барства, из которых состоит в большей части своей наше офицерство. Я не мог превратиться в нужнаго им манекена, долженствующаго совершать преступленія против законов человѣческих, а по их понятіям даже законов Божіих, т. е. того Бога, в котораго они сами заставляют вѣрить. Я немог добровольно сдать себя в «пакгауз», в склад пушечнаго мяса, необходимаго для «внѣшней» защиты, т. е. для защиты интересов разных панов Безобразовых, дальневосточных, персидских и многих других, или для защиты от «внутренних» врагов, т. е. для устройства погромов и избіеній, усмиреній стачечников-рабочих и крестьянских волненій; я не хотѣл участвовать в терроризированіи населенія, в убійствѣ отцов и матерей, жен и дѣтей., для удержанія Вашего и столь же высокородных сподвижников ваших на занимаемых вами постах доблестных рыцарей, отдающих себя «на защиту родины и отечества», помимо желанія или, лучше, против желанія самаго управляемаго Вами народа...

Я не признаю права власти человѣка над человѣком и ея опору — физическую силу; поэтому своим здоровым человѣческим чувством и умом я не могу не протестовать против этого дикаго варварства, против власти и ея послѣдствій —войны.

Но вѣдь всѣх аргументов, ясных и очевидных для каждаго, невозможно привести в одном письмѣ, и помимо всего — они вам хорошо извѣстны.

Поэтому я могу только сказать, **чтослужить в так называемых войсках, взять оружіе убійства в свои руки, до тѣх пор, пока я называю себя человѣком, я безусловно отказываюсь.**

Эти войска защищая родину, фактически защищают вас, кучку паразитов, как удавы обхвативших русскій народ и играющих роль его защитников, но убивающих и вѣшающих дѣйствительных защитников народа.

Но родина уже пробудилась от спячки, вы сами разбудили ее: слишком уж вы надавили ей бока и грудь, и слишком душно стало, и вы, вѣками сосавшіе ея пот и кровь, фактически слабые, но державшіеся на ея инертности, теперь, послѣ каждой спазматической схватки от причиненных вами же ей болей, соскальзываете все дальше и дальше к хвосту... В послѣдней схваткѣ вы было слетѣли совсѣм, но удалось вам опять ухватиться за хвость и вы торжествуете побѣду свиньи, которой, если не удалось забраться к амбарам и сараям на барскій двор, то хоть на сорный двор, в болото.

Да, торжествуйте в своем націоналистическом болотѣ, терзайте же нашу родину, терзайте (ускоряйте ход событій!) Родина наша теперь не стоит уже на одном мѣстѣ и не пятится назад, как раньше, а стремится вперед к солнцу, к свѣту.

Ваши же удары по «грязи», чтобы залить ей глаза не помогут уже вам больше: вы безсильны теперь обхватить ее опять своими желѣзными кольцами, вам это не удастся, ибо наша родина выросла духовно.

Родина, истинная родина наша, живет и будет жить, пока существует мір и человѣчество.

То же, что вы чувствуете теперь, это вздрагиванія отдѣльных нервных волокон тѣла народнаго. И вам кажется, что все тихо....

Да я и не хочу вас предостерегать, вы сами лучше меня это видите...

Но я лично примкнуть к вашим «дѣлам» да еще добровольно, отказываюсь.

Я член великой семьи человѣческой, живущей на землѣ не для братоубійств іудиных (да и Іуда был честнѣе вас, ибо он сам потом покончил с собой, в нем еще жила искра совѣсти. А вы?..) отказываюсь помогать вашей шайкѣ.

Народ не спит, мускулы его напряжены, и не далеко уже то время, когда он завершит свое великое дѣло. Еще немного и он, свободный, смѣлый и сильный, пристав к другим освобождающимся членам семьи человѣческой, завоюет свободу и исполнит свое истинное назначеніе.

И вот теперь, вырвавшись из ваших покрытых кровью рук, я Вас спрашиваю: какое по вашим звѣриным законам я должен буду понести наказаніе за отказ в соучастіи в вашем кровавом предсмертном пиршествѣ, чтобы потом имѣть право дышать воздухом моей родины, видѣть ее своими глазами, жить среди нея ея жизнью. Иначе говоря, какому «наказанію» я должен буду подвергнуться, если пожелаю жить в Россіи. Я с радостью пойду на смерть ,но не с вами, а против вас.

Примите честно и искренне высказанныя мысли, может быть, мѣстами не вполнѣ ясно выраженныя и имѣйте мужество так же искренне отвѣтить на мой вопрос.

Х. Г. (Подпись).

* Копія этого заявленія, посланнаго по назначенію еще до войны, получена нами от извѣстнаго нам товарища. — **Ред.**

ВНИЗ, ПО НАКЛОННОЙ ПЛОСКОСТИ.

Нѣсколько времени тому назад русская колонія, почти одновременно, обогатилась двумя обществами взаимопомощи. Одно из них — «Русское Общество Взаимопомощи» — основано под теплым крылышком «благодѣтеля» Окунцева при его скэбской газетѣ «Русское Слово». Самое имя этого героя-редактора, когда-то революціонера, а нынѣ покровителя докторов-шарлатанов и пр. грязных дѣльцов, достаточно громко говорит о цѣли организаціи и касаться ея я не стану.

Второе о-во назвалось «Обществом Взаимопомощи Русских Рабочих». Дав такое громкое названіе своей организаціи и дѣйствительно имѣя в своей средѣ рабочих, оно сдѣлало таких два шага на первых же порах своей дѣятельности, на которые мнѣ хотѣлось бы указать товарищам рабочим, которые, быть может, пожелают вступить в него.

О первом шагѣ этого общества много писалось в русских газетах. Назвав себя рабочей организаціей, оно включило в свой устав пункт, явно расходящійся с основным принципом рабочей организаціи — принципом интернаціональной солидарности, интернаціональной борьбы с капиталом. Оно об'явило о пріемѣ в члены только лиц славянскаго происхожденія. Но, как бы стыдясь этого бросающагося в глаза пункта в своем уставѣ, о-во нашло нужным защищаться и заявило устами своих ораторов, что это только путь к организаціи той массы, которая воспитана на нетерпимости к евреям, той массы русских и польских наемных рабочих, которые, дескать, не пойдут в одно общество с евреями.

Так говорили они, так писал даже и г. Агарев, член редакціи соціальдемократической газеты «Новый Мір». Но если находились люди, ставшіе на эту точку зрѣнія и оправдывавшіе их, если эти идейные дѣятели рабочаго движенія мирились со своей совѣстью тогда, то я, все таки не думаю, чтобы они имѣли возможность сдѣлать это теперь, при втором шагѣ того же общества. Этот второй шаг — публикація о-ва в скэбской газетѣ «Русское Слово».

Все можно простить рабочему. Но простить скэбство, простить поддержку врагов рабочаго движенія — этого не прощают, с этим не мирятся. И если скэбы вредны, как отдѣльные личности, то еще вреднѣе, еще губительнѣе для рабочаго дѣла, когда скэбами являются цѣлыя организаціи.

Надо надѣяться, что всѣ сознательные рабочіе отвѣтят презрѣніем этому Обществу, быстро катящемуся по наклонной плоскости.

Л. Грин.

НОВАЯ РУССКАЯ „ГАЗЕТА"

(Корреспонденція из Сеатла, Ваш.).

Я не задаюсь цѣлью вступать в полемику с новоиспеченным «редактором» «Руси», начавшей выходить здѣсь, в Сеатлѣ, с 6-го августа с. г. Я хочу только разсказать, что из себя представляет сей муж, берущійся разсуждать о «Голосѣ Труда» и «Новом Мірѣ».

Как старожил города Сеатла, я хорошо знаком с похожденіями новоиспеченнаго «редактора», г. Бахарева. Я видѣл, как он вертѣлся то возлѣ консула, то возлѣ попа, и как он повсюду вел агитацію в пользу этих представителей русскаго правительства.

Да и мнѣ лично он предлагл помочь ему сорганизовать церковный хор, на что я ему отвѣтил отрицательно, сознавая, что наше мѣсто, рабочих, не в церкви с обиралами-попами, а в классовой рабочей организаціи.

Не вѣря сам в бога, он не так давно, указывая на небо, глубокомысленно восклицал: «как подумаешь, что там нас ждет, страшно становится!» Восклицал так потому, что за это ему платили, а перестали платить, стал разносить во всю, как консула, так и попа с церковью.

Но жить надо! И вот он принялся за «просвѣщеніе» гродненцев, которые являются в русской колоніи самым отсталым элементом и представляют собой как раз подходящую дойную корову для всяких проходимцев.

Думая воспользоваться отсталостью русских иммигрантов, он в своей «Руси» начинает играть на их темнотѣ и невѣжествѣ. В первом номерѣ «газеты» «редактор» в передовой пишет, что, приступая к изданію «Руси», он стремится указать рабочим, как разрушить все темное, кончает же он тѣм, что тут-же начинает натравливать читателей на евреев: «Если евреи будут уважать русских так, как они уважают американцев, — говорит он, — то они друзья нам, а в противном случаѣ....» И договаривать не приходится, что подразумѣвает «в противном случаѣ» «защитник» рабочих. Думаю, что при чтеніи этих строк у каждаго ярко встают воспоминанія о періодах погромов в Россіи...

В передовицѣ второго номера Бахарев мечет громы на «Г. Т.», говоря, что эта газета, хотя и называет себя рабочей газетой, в дѣйствительности предает родной народ, так как она держит сторону нѣмцев.

Г-н Бахарев! Не с вашими продажными помыслами разсуждать о таких вещах и не таким, как вы, брать на себя миссію нести свѣт в темную массу, ибо кто хочет нести свѣт, тот должен сам свѣтиться, а вы черны с пяток до головы. И родина тут не причем, и на войну вы не пойдете, хотя и призываете других. Просто вам доллар нужен, и только в силу этого вы и поете Лазаря на разные лады и под разными церквями. Но все-же знайте мѣру и не бросайте грязью в тѣх, кто дѣйствительно честно и высоко держит знамя рабочих.

П. Подрушко.

Прим. ред. Вмѣстѣ с помѣщенной выше корреспонденціей из Сеатла мы получили от ея автора «для ознакомленія» №2 «Руси».

Это газетка миніатюрнаго формата. Очевидно, ея редактор не сумѣл пока заручиться поддержкой из темных источников, в таких размѣрах, в каких ею пользовался покойный «Русскій Эмигрант».

О направленіи этого новаго «печатнаго органа» читатели могут получить представленіе из письма нашего корреспондента. Со своей стороны, мы можем только добавить, что по малограмотности своей редакція «Руси» превосходит всѣ другія русско-американскія изданія этого типа.

На самом видном мѣстѣ, над передовой, помѣщена слѣдующая редакціонная замѣтка: «Приглашаются сотрудники. Не стѣсняйтесь малограмотностью. Мы обдѣлаем (!) присланное.»

Но послѣ прочтенія передовицы, мы сильно усомнились, выиграют ли статьи сотрудников «Руси», как бы малограмотно онѣ ни были написаны, оттого, что их «обдѣлает» редактор этой газеты.

ПЕРВОЕ ЗАСѢДАНІЕ
2-го С'ЕЗДА ФЕДЕРАЦІИ С. Р. Р.
СОЕД. ШТАТОВ И КАНАДЫ
открывается
В СУББОТУ, 4-го СЕНТЯБРЯ
1915 ГОДА
В КЛУБѢ С. Р. Р. г. БАЛТИМОРЬ:
430 Вест Конвэй стрит
430 W. CONWAY ST.,
В 9 ЧАСОВ УТРА.

Нью-Іоркская Хроника.

Извѣщеніе.

Всѣ товарищи, как члены О-ва Русскаго Рабочаго Иммигрантскаго Дома, так и прочих дружественных организацій, желающіе помочь обществу в сборѣ денег по подписным листам, могут обращаться за таковыми к завѣдывающему подписными листами, тов. Езерскому, по адресу:

F. Yesersky,
537 E. 148th St., . Bronx, N. Y

БАЛТИМОРА, МД.

Слѣдующее дѣловое собраніе С. Р. Р. в Балтиморѣ состоится в субботу, 28 августа, в 8.30 вечера. На очереди выборы делегата на с'ѣзд и другіе вопросы. Присутствіе всѣх членов необходимо.

Секр. В. Балаев.

ФИЛАДЕЛЬФІЯ.

Анархическій Красный Крест г. Филадельфіи устраивает свое годичное предпріятіе (Арестантскій Бал) 10-го декабря, в Лирик Голл. Просим дружескія организаціи не устраивать в этот день своих предпріятій.

Слѣдующее собраніе Анар. Кр. Кр. состоится 30 августа в помѣщеніи Союза Р. Р. 719 Маршал стрит.

Секр. А. Соколов.

Союз Русских Рабочих г. Филадельфіи устраивает в пятницу, 10-го сентября с. г. спектакль, под режиссерством артиста Райф - Вишневскаго. Поставлена будет драма в 5-ти дѣйствіях «Наймычка».

Хор под управленіем Малиновскаго.

Доход пойдет в пользу библіотеки Союза .Р. Р.

В воскресенье, 29-го августа в Ройал Голл состоится протест-митинг по поводу ареста тов. Каплана и Шмидта. Будут говорит тов. Беркман и др. ораторы.

Начало ровно в 8 часов вечера.

БОСТОН, МАСС.

Союз Руских Рабочих в Бостонѣ устраивает открытые уличные митинги: в пятницу, 27-го августа, в Бостонѣ, на Мэримек скверѣ; в субботу, 28 августа, в Пибоди, в паркѣ; во вторник, 31 августа, в Челси, на углу Второй и Арлингтон улиц. Начало митингов в 8 часов вечера.

КЭНЗАС СИТИ.

Группой русских рабочих города Кэнзаса устраивается в воскресенье, 29 августа, 1915 года, грандіозный бал в в Морис Шур Голлѣ 1715 — Вест 9 стрит, Кэнзас Сити Миссури. Начало в три часа дня. Весь доход с предпріятія поступит в пользу «Голоса Труда».

Обращеніе ко всѣм должникам С. Р. Р. города Сеатла, Ваш.

Товарищи! Обращаем ваше вниманіе на то, что в кассѣ союза к слѣдующему мѣсяцу не остается ни одного сента и не будет возможности удержать помѣщеніе, что грозит полным прекращеніем дѣятельности Союза Мы просим вас прислать нам по возможности то, что вы должны Союзу. Мы увѣрены, что вы посчитаетесь с важностью обращенія к вам именно в настоящее время и таким образом посодѣйствуете нашему общему дѣлу.

Секретарь К. Воронин.

Товарищи! Просим всѣх, кто имѣет №№ 1, 2, 3 «Рабочаго Знамени» и № 2-3 «Набата», переслать его в «Голос Труда» для Анархическаго Краснаго Креста. Это очень нужно.

ЭДМОНТОН, АЛЬБЕРТА

С проведеніем желѣзно - дорожной линіи Грэнд Тронк Пасифик, небольшой городок Эдмонтон вступил в новый період существованія. Городок начал быстро расти, строились дома, рылись каналы и пр., увеличивая спрос на рабочія руки.

Разные предприниматели совмѣстно с правительством всѣми способами старались привлечь сюда малосознательных рабочих.

Но скоро в сей край явились и «незванные гости» - агитаторы и начали будить классовое сознаніе у мѣстных тружеников.

Пользуясь постоянными столкновеніями рабочих с власть имущими и властями, сознательные рабочіе широко развивали свою агитацію среди задавленного нуждой народа. Результаты этой работы не замедлили сказаться и год тому назад мѣстный локал И. Р .М. насчитывал уже болѣе тысячи сознательных рабочих.

Рабочіе гордились тогда силой своей солидарности, проявлявшихся в частых грозных уличных демонстраціях и надѣялись, что скоро возстаніе рабов положит конец эксплуатаціи человѣка человѣком.

Теперь же, послѣ этой кровавой годины, все лопнуло.

Ужасная безработица заставила раз'ѣхаться большую часть сознательных элементов в поисках работы. За то свирѣпствует теперь во всю военщина, которая жестоко расплачивается со своими прежними врагами.

Всѣ вольности, добытыя упорной борьбой сознательных товарищей, уничтожены. Одѣтые в солдатскіе костюмы бандиты, разгуливая в пьяном видѣ по улицам, избивают и тащат в полицію каждаго, дерзнувшаго протестовать против угнетателей. Словно Русь самодержавная, да и только...

Е. Брувер.

ГОЛОДОВКА В ТЮРЬМѢ.

Просим редакцію газеты «Голос Труда» помѣстить наш протест против незаконнаго задержанія нас американской полиціей в Голлок, Миннесота, гдѣ нас держат в тюрьмѣ четыре недѣли без всякаго суда. Вина наша заключается в том, что мы в поисках работы перешли из Канады в Соед. Штаты. Нам заявили, что нас вышлют обратно в Канаду, когда придет распоряженіе из Вашингтона. Нас три человѣка, мы десять мѣсяцев без работы и, благодаря несправедливому аресту, мы теряем дорогое для нас время уборки хлѣбов. В знак протеста против варварскаго поступка полицейской власти, об'являем голодовку.

Ф. Жура, И. Колбасюк, Д. Бабков.

ПИСЬМО В РЕДАКЦІЮ.

Прошу товарищей дать мнѣ высказаться на страницах нашего рабочаго органа.

Ввиду того, что на т. т. Альфу и А. Ге за их искренния, быть может, отчасти и рѣзкія, но правдивыя слова все больше и больше нападает нѣкоторая часть анарх. литераторов — я не могу молчать и заявляю всѣм товарищам, что вполнѣ присоединяюсь к протестующему голосу т. Альфы (см. «Г. Т.» № 45).

Кромѣ того, товарищи должны знать, что мы, рабочіе-анархисты, нисколько не склонны видѣть в отказѣ нѣкоторых, к счастью немногих, видных анархистов от своих принципов, новое идейное теченіе. Мы видим в этом отступничество от рабочаго дѣла. Истины не нужно бояться, и это не оскорбленіе личностей, а истина. Между тѣм т.т. анархистскіе литераторы склонны видѣть в этом «новое идейное теченіе» (см. «Г. Т.» №45 и «Р. З.» №3), теченіе, имя которому анархическій милитаризм. Вмѣсто дружнаго отпора против «военнаго анархизма», мы, к великому сожалѣнію, видим обратное явленіе. Мы видим, что под разными предлогами стараются ходить вокруг да около тревожащаго нас вопроса и наносят удар тѣм, кто имѣет смѣлость смотрѣть на вещи открытыми глазами.

Мало того, нѣкоторые, как напр., т. Забрежнев (см «Г. Т.» № 46) стремятся зажать рот т. Оводу и другим товарищам, отстаивающим строго чистоту нашего великаго идеала. А раз это так, раз вмѣсто борьбы с явной «анархическаго милитаризма» борются, как раз с обратным, то мы, рабочіе-анархисты, в своей повседневной работѣ на мѣстах будем всѣми силами совмѣстно с нашей печатью «Р. З.», «Г. Т.», «Набат» и др. бороться против навязываемаго нам военнаго «анархизма».

Протестую против помѣщенія в анарх. раб. газетѣ «Г. Т.» статей, подобных Корн.

Товарищи! Наш великій анархическій идеал в опасности от надвигающагося на него мрака милитаризма, нужно смѣло всему вредному дать дружный отпор. Кому дорог анархизм, бодрствуйте!

Долой военщину!

Да здравствует антимилитаризм!

Да здравствует анархическій коммунизм.

С товарищеским привѣтом

Рабочій Тим. Самсонов.

Прим. ред. Как извѣстно нашим читателям, мы не раздѣляем этой точки зрѣнія. Напротив, мы и впредь с готовностью будем помѣщать статьи т. М. Корн, несмотря на наше глубокое расхожденіе с идеями, проводимыми в них. Никогда не слѣдует забывать, что из столкновенія мнѣній рождается истина.

Резолюція, принятая конференціей Союзов Русских Рабочих г. Нью-Іорка и его окрестностей по вопросу об отношеніи Федераціи к Издательской Группѣ.

Конференція Союзов Р. Р. в Н. І. и окрестностях, послѣ детальнаго и всесторонняго разбора вопроса об отношеніи Федераціи к изд. группѣ, принимая во вниманіе: 1) что главный принцип, положенный в основу федераціи — непосредственная борьба с капиталом и властью — является принципом анархо-синдикалистов, откуда логически вытекает принцип сомадѣятельности рабочих;

2) что самодѣятельность рабочих должна безгранично проявляться во всѣх формах борьбы за соціальную революцію;

3) что изданіе періодическаго органа и вообще революціонной литературы, распространяющей идеи борьбы освобожденія рабочаго класса и всего человѣчества способствует развитію самосознанія и самодѣятельности рабочих, равно как и укрѣпленію организаціи;

4) что періодическій орган, как способствующій распространенію наших идей и расширенію рабочих организацій является необходимым условіем успѣха нашего движенія — поэтому дѣло изданія печатнаго органа, как нерва для развитія движенія — должно находиться исключительно в руках рабочих организацій и

5) находя, что первый с'ѣзд представителей организацій, вошедших в Федерацію в 1914 году , признав «Голос Труда» своим органом и передав дѣло изданія его в руки существовавшей тогда Русской Рабочей Группы в Н. І. на все время существованія послѣдней, отступил от основных своих принципов, так что к концу перваго года практики угрожает органу стать не только внѣ зависимости от Федераціи и даже предпріятіем отдѣльных лиц, но и «может издаваться даже вопреки Федераціи», как сказано было членом издательской группы на конференціи союзов, пришла к заключенію о необходимости наискорѣйшаго перенятія изданія періодическаго органа «Г. Т.» в полное распоряженіе Федераціи и рекомендует с'ѣзду в дальнѣйшем не поручать изданія своего органа какой-либо организаціи, а поручить это дѣло лицам, спеціально для этого выбранным на опредѣленный срок. Конференція в то же время признает настоятельной необходимостью сохранить идейную выдержанность и нынѣшнее его направленіе. В случаѣ же упорнаго отказа издательской группы передать «Гол. Труда» Федераціи, конференція предлагает не поддерживать группу матерьяльно в изданіи «Голоса Труда» и позаботиться об изданіи на свои средства федеративнаго органа.

Резолюція, принятая коференціей по вопросу о формѣ организаціи Федераціи.

1) Принимая во вниманіе, что до сих пор фактически работа Федераціи исполнялась выбранным секретарем без участія федеративных союзов, благодаря чему вся работа по Федераціи сосредоточилась в издательской группѣ;

2) принимая во вниманіе, что федеративные Союзы Русских Рабочих прежде всего являются организаціями, принципы которых требуют развитія инціативы и самодѣятельности рабочих и что рабочіе сами должны пріучаться вести свои дѣла

мы предлагем с'ѣзду организовать работу так, чтобы всѣ федеративные союзы могли принимать дѣятельное участіе как в обсужденіи, так и в проведеніи в жизнь обсуждаемых вопросов. Для достиженія этой цѣли, по мнѣнію конференціи, необходимо избрать исполнительный комитет Федераціи, куда войдут представители всѣх федеративных организацій. Если же с'ѣзд найдет, что осуществленіе такой формы исп. ком. почему либо невозможным, то конференція предлагает поручить тому или другому району избрать исполнительный комитет Федераціи, оставляя право за каждым отдѣльным союзом присылать в исполнительный комитет своего делегата. По требованію большинства Союзов, входящих в федерацію, районныя организаціи, на обязанности которых лежит избраніе исполнительнаго комитета, избирают новый состав исп. комитета.

Секретари Конференціи:
Юровскій, Дыбец, Ярошевскій.

Поступило с 17 по 24 августа 1915 года.

В ФОНД «Г. Т.»:

Из Кливленда, Огайо: от Союза Р. Р. 2 д. 75 с., А. Бухмана и С. Рота по 25 сентов и В. Шевенина 1 д.

Из Гонолулу, Гаваи: от В. Иванова 40 с.

Из Бостона, Масс.: от С. Р. Р. 5 долларов.

Из Филадельфіи, Па.: от С. Р. Р. 2 д. 75 с.

Из Иири, Па.: от Н. Шитикова 15 сентов.

Из Детройта, Мич.: через Союз Русских Рабочих от Омельянова и Бельмаса по 50 с.

Из Балтиморы, Мд.: через Союз Р. Р. от С. Ж.. Ф. Волкова, В. Ш., Климовича, В. Б., А. С., И. Волчкова, И. Л. и В. Тризно по 25 с. и П. Б. 50 с.

Из Нью-Іорка: от мѣстнаго и окрестных Союзов Р. Р. доход от предпріятія 29 мая 20 дол., Гарова 25 с. и Издательской Группы «Г. Т.» 2 д. 5 0с.

Всего за недѣлю 39 дол. 50 с.

Сверх того за предыдущую недѣлю поступило еще от Союза Р. Р. в Бронзвиллѣ 2 дол.

В конторѣ «Г. Т.» хранится письмо для Правленія О-ва Русск. Рабочаго Иммигрантскаго Дома.

Если гдѣ-либо в организаціи или у товарищей есть драма «Шахтеры», в 3-х дѣйствіях, то прошу прислать ее мнѣ на время, по адресу «Г. Т.». **А. Роде.**

Хотинец Тим. Сам — в ищет товарищей Владимирова, Коханаго, Михайличенка, А. Рыбака, И. Горна, Аарона Г. и др.

Адрес в редакціи «Г. Т.»

НУЖНА большая, свѣтлая комната со всѣми удобствами и совершенно отдѣльным ходом в районѣ 100-й улицы. Предложенія адресовать в редакцію «Г. Т.» для В.

АДРЕСА ФЕДЕРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦІЙ.

Union of Russian Workers
821 Weller St. Seattle, Wash.

Union of Russian Workers
E. Smolaroff, Sec'y
P. O. Box 611, Detroit, Mich.

Union of Russian Workers
2106 Forbes St., Pittsburg, Pen.

Union of Russian Workers
653 Font St., Portland, Ore.

Union of Russian Workers
549 Union St., Vancouver, B. C., Can

Union of Russian Workers
c. o. Kushtch,
908 Coomis st. Chicago, Ill.

Union of Russian Workers
S. Luketch, Sec'y,
61 Scholes st. Brooklyn, N. Y.

Union of Russian Workers
S. Moroz
55½ Cumberland st. Rochester N. Y.

Union of Russian Workers
M. White, Sec'y
11 Printery st. Providence, R. I.

Union of Russian Workers
S. Moisenco
6911 Lorian ave. Cleveland, O.

Union of Russian Workers
430 W. Conway St. Baltimore. Md.

Union of Russian Workers
517 Clinton st. Cincinnati, O.

Union of Russian Workers
209 Chester st., room 11.
Brooklyn, N. Y.

Union of Russian Workers
719 Marshall st. Philadelphia, Pa

Union of Russian Workers.
J. Kovaleff,
Box 449 Manangohela Trust Co., Homestead, Pa.

Union of Russian Workers No. 2.
H. Kareff, Sec'y, c. o. Rochlis,
221—23 Ave. C. New York, N. Y.

Union of Russian Workers.
J. Semenoff c. o. A. Grumberg
43 Joy st. Boston, Mass.

Union of Russian Workers
J. Atrachimovitch, Sec'y
121 German st. Erie, Pa.

СВОБОДНОЕ СЛОВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ РУССКІЙ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
подъ редакціей
Г. БѢЛОУСОВА (б. деп. 2 Г. Д), Л. ДЕЙЧА, Э. ЗИНОВЬЕВОЙ.

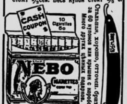
Отдѣлы „Свободнаго Слова": I. На текущія темы; II. Изъ американской жизни; III. Изъ жизни Западной Европы и Россіи; IV. Среди русскихъ газетъ и журналовъ; V. Теорія и практика соціализма; VI. Беллетристика; VII. Изъ исторіи революціонныхъ движеній; VIII. Письма читателей; XI. Отзывы о новыхъ книгахъ.

По первому требованію изъ конторы высылается подробная программа журнала. | Годовая подписка — 1 долл.; на полгода — 60 сен.; на 3 мѣсяца — 35 с.; отдѣльные номера — 10 сентовъ.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА
„SVOBODNOYE SLOVO" (The Free Word)
150 Nassau St. Room 1214-15-16 New York Tel. Beekman 1142

Съ рукописями и по дѣламъ редакціи просятъ обращаться
LEO DEUTSCH, 1398 Clay Ave., New York, N. Y.

БОЛЬШОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ.
Небо.—Крышки из под папирос Небо стоят ½ сен. Весь купон стоит ½ с.



Стальная, хорошо, отточен. бритва за 60 купонов или крышек с коробок Много других цѣнных подарков.

Весь купон и крышка имѣют туже цѣнность. Можно получить наличными или деньгами.
(Это предложеніе в силѣ до 31-го декабря 1915 года).
P. Lorillard Co, Inc., New York Est. 1760

АДРЕСА ОРГАНИЗАЦІЙ НЕ ВХОДЯЩИХ В ФЕДЕРАЦІЮ.

Union of Russian Workers
704 San Bruno Ave., San Francisco, California.

Anarchist Red Cross
S. Jetcoff, Sec'y
304 Theodore st. Detroit, Mich

Russian Workers Group
29 Green Place, Campello, Mass.

Anarchist Red Cross
M. Kinsberg, Sec'y
1948 Prospect Ave.,
New York, N. Y.

Russian Branch I. W. W. № 593
1420 S. Union ave. Chicago, Ill.

Група Содѣйствія Прессѣ Партіи С.-Р.
Секретарь А. Плотникова.
A. Plotnikoff, 931 Buchanan st., San Francisco, Cal.

О-во Русскаго Раб. Иммигр. Дома
L. Greenstein, Sec'y
214 E. 13-th st. New York, N. Y.

КНИЖНЫЙ СКЛАД ПРИ „ГОЛОСѢ ТРУДА"

Цѣны на всѣ книги указаны с пересылкой.

НА СКЛАДѢ ИМѢЕТСЯ СЛѢДУЮЩАЯ ЛИТЕРАТУРА:
НА РУССКОМ ЯЗЫКѢ.

Очерки по исторіи рабочаго движенія в Испаніи, З.Нахт	.12
О рабочих союзах, Оргеіани	.12
Революціонный синдикализм, Г. Лягардель	.90
Парижская Коммуна, П. Кропоткин	.08
К молодому поколѣнію, (его-же)	.05
Русская революція и анархизм (его-же)	.14
Государство — его роль в исторіи (его-же)	.20
(его-же)	.12
Коммуна, Л. Мишель	.50
Журнал «Хлѣб и Воля», №2	.15
Об индивидуалистическом анархизмѣ, Вл. Забрежнев	.06
Борьба с капиталом и властью, М. Корн	.06
Доктрины марксизма, М. Черкезов	.20
Революціонный синдикализм и анархизм, Ивидни	.11
Земельная программа А.-К. А. Кечегаров	.07
Исторія коммуны 1871 г. Лисагарэ	.65
Исторія революціоннаго движенія, Тун	.85
Об интеллигенціи, К. Оргеіани	.06
Анархизм, Эльцбахер	1.25
Будущее общество, Ж. Грав	.65
Великая Французская Революція, П. Кропоткина	1.10
Альманах, сборник по исторіи анархическаго движенія в Россіи	.30
Поля, Фабрики и Мастерскія, П. Кропоткина	.85
Идеалы и дѣйствительность в русской литературѣ, П. Кропоткина	.85
В русских и французских тюрьмах, П. Кропоткина	.85
Взаимная помощь, как фактор эволюціи, П. Кропоткина	.85
Записки революціонера, Кропоткина	.85
Липочка Поповна (разсказ)	.20
Из недавняго прошлаго, Г. Гершуни	.50
Разрушенный мол (его-же)	.30
Земля и Воля	.70
Бытовое явленіе, В. Короленко	.45
Из дневника максималиста, Гр. Нестроев	.85
Кому служит солдат.	.03
Письмо стараго рабочаго	.06
«На Чужбинѣ»	.06
Не в моготу (разсказ)	.20
Разсказы из русской исторіи, Шишко, 2 части по 20 с.	.40
Анархія, Кропоткина	.08
О революціи и революціонном правительствѣ, Иліашвили	.06
Царь - голод	.15
Враги и друзья крестьян	.05
Задачи соціальной революціи	.05
Манифест А. - К., Новомирскій	.06
Буревѣстник № № 15, 16, 17, 18 и 19	.06

ЦѢНЫ УКАЗАНЫ С ПЕРЕСЫЛКОЙ
ВСѢ ЗАКАЗЫ НА КНИГИ НАПРАВЛЯЙТЕ ПО СЛѢДУЮЩЕМУ АДРЕСУ:
"GOLOS TRUDA"
586 E. 140th St. New York

CHICAGO, ILL.
РУССКІЙ ЗУБНОЙ ВРАЧ
Д-р Г. А. Гоноров
Принимает ежедневно.
Адрес: 1346 Саут Голстэд стрит, Между Мэксвел и 14-й ул.
Номер телефона — Канал 538.

РУССКАЯ ЮНІОННАЯ
Типографія
LIFSHITZ PRINTING CO.
217 East Broadway, New York
English, Jewish and Russian Lynotype for the trade

Телефон Орчард 5461
Casino Hall
85 E. 4th St., New York
Большія залы для свадебных вечеров, балов, собраній и т. д.
M. DROSNES, Prop.

КУНАРД ЛАЙН
(Cunard Line)
Регулярное и безпрерывное сообщеніе.
Пароходы из Нью-Іорка в Ливерпуль каждую субботу.
Пріем русских пассажиров до Петрограда.
Русскія женщины, дѣти и лица не принимающія участія в войнѣ, имѣющія соотвѣтствующія бумаги, принимаются как пассажиры в Соед. Штаты из финляндских портов Гельсингфорса и Ганге.
Проѣзд до этих портов производится на счет самих пассажиров.
За всѣми дальнѣйшими указаніями и справками относительно цѣн, времени отбытія пароходов и т. п. обращайтесь к нашим уполномоченным агентам.

ЧИТАЙТЕ
"Solidarity"
Official organ of the Industrial Workers of the World
Weekly - One Dollar per year
115 Hamilton Ave., Cleveland O.

ЗУБНОЙ ВРАЧ.
A. Brusilowsky
1031 East New York Avenue
Bet. Howard and Barret
Brooklyn

Страйк в Русском Словѣ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ И ГАЗЕТА НАБИРАЕТСЯ СКЭБАМИ.
Забастовочный Комитет Интернац. Союза Наборщиков № 83.

Продолжается подписка на прогрессивную газету
«ВЕЛИКІЙ ОКЕАН»
ИЗДАЮЩУЮСЯ ТРИ РАЗА В НЕДѢЛЮ
Под редакціей А. П. Щербана
УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

В С.-Франциско на год	3.00;	6 мѣс. — 150;	3 мѣс. — 1.00
Соед. Шт. и Мексико на год	2.50	6 мѣс. — 1.25;	3 мѣс. .80
Заграницу и Канаду на год	3.00	6 мѣс. — 1.50;	3 мѣс. .90

"PACIFIC OCEAN", 340 SANSOME ST., SAN FRANCISCO, CAL.

Книжный Магазин
М. Н. МАЙЗЕЛЯ
ОПТОВАЯ И РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА РУССКИХ КНИГ
— Каталоги высылаются по требованію безплатно. —
Max N. Maisel, 424 Grand St. N. Y.
Bookseller, Publisher and Importer

ЮНІОННАЯ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ
ЮНІОННАЯ
АФИШИ, ЛЕТУЧКИ, ПРОГРАММЫ, КНИГИ, БРОШЮРЫ, ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ.
Изящное выполненіе заказов. Умѣренныя цѣны.
Для рабочих организацій значительная уступка на всѣ работы
The LANGUAGE PRINTERY
344-348 WEST 38th STREET
'Phone, Greeley 1658 NEW YORK, N. Y.